

ФОРМИРОВАНИЕ «ВАРВАРСКОГО» ОБРАЗА РУССКОГО ВОИНА И ВОЙСКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI В. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В. В. Пенской

Белгородский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2011 г.

Аннотация: в XVI в. Европа «открывает» Россию и определяет свое отношение к ней. Образ России, сформировавшийся в этом столетии, продолжает оказывать воздействие на отношение Европы к России и сегодня. В статье исследуется один из аспектов формирования характерного образа России – восприятие европейцами русского воина и русского военного дела как «азиатского».

Ключевые слова: Россия и Европа в XVI в., образ России, русское военное дело.

Abstract: Europe «opens» Russia and defines the relation to it in XVI century. The image of Russia generated in this century, continues to affect the relation of Europe to Russia and today. In this article is investigated one of aspects of formation of a characteristic image of Russia – the creation of perception of the Russian warrior and Russian warfare as «Asian» by Europeans.

Key words: Russia and Europe in XVI century, image of Russia, Russian warfare.

Известный отечественный публицист и журналист К. Крылов в послесловии к русскому изданию шумевшей книги Э. Саида «Ориентализм» высказал интересную мысль, суть которой заключается в том, что само выражение «Восточная Европа» звучит для европейского уха неприятно. Если коротко, «Восточная Европа» есть «порченная Европа» (курсив наш. – П.В.), «Европа, ставшая Востоком», т.е., по существу, Восточная Европа – это не Европа, а Восток, Азия, а Азия еще со времен Геродота всегда противопоставлялась Европе. «Отец истории», сравнивая варваров-персов с эллинами, полагал, что они суть антитеза друг другу, ибо для первых рабство есть привычное состояние духа, тогда как для последних нет ничего важнее свободы, а значит, Европа – место проживания эллинов, и Азия – обиталище варваров есть чуждые друг другу миры (Hdt. I, 4; VII. 102–104, 135–136). Впоследствии эта идея получает свое дальнейшее развитие и обоснование, особенно после победного для греков завершения греко-персидских войн (см., например: Aesch. Pers. 180–196; Eurip. Iph. Taur., 1586–1587). «Все эллины – близкие друг другу люди и состоят между собою в родстве, а для варваров они – иноземцы и чужаки... Значит, если эллины сражаются с варварами, а варвары с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги и эту их вражду надо называть войной...» (Plat. Ep. V, 470 с.).

От греков противопоставление Европы и Азии, Запада и Востока перешло к римлянам, которые пе-

ренесли греческие стереотипы на окружавшие Рим племена, рассматривавшиеся теперь как варварские. Правда, теперь «варварство» позиционировалось, скорее, не столько географически, сколько культурологически – у Дионисия Галикарнасского в его «Римских древностях» есть интересное высказывание, которое можно истолковать в том смысле, что «варварство» и «эллиństwo» – это, скорее, не принадлежность к определенному народу, а, если так можно выразиться, своего рода состояние души: «Эллины отличаются от варваров не по имени и не из-за языка, но умом и выбором в пользу достойного образа жизни, а более всего тем, что не совершают в отношении друг друга беззаконий, противоречащих человеческой природе. Поэтому, у кого в характере преобладали эти качества, тех, я полагаю, следует называть эллинами, а у кого противоположные – варварами. Также их благоразумные и человеколюбивые мысли и поступки я считаю эллинскими, а жестокие и дикие, в особенности если они затрагивают родственников и друзей, – варварскими» (Dion. Hal. Ant. Rom. XIV. VI, 5–6).

Следовательно, можно предположить, что, став «эллином» в духовном смысле, варвар переставал быть «варваром», т.е. приверженным беззаконию, злобе и дикости, которые прежде всего находили выражение в особой, присущей исключительно варварам, воинственности и страсти к разрушению. Но эта варварская воинственность не имела ничего общего с римской доблестью – *virtus* и неразрывно связанными с ней дисциплиной и воинским порядком. Напротив, она представляла из себя нечто совершен-

но противоположное, нецивилизованное, нечеловеческое, дикое. Варвары, если и побеждают, то практически исключительно за счет своей многочисленности, берут верх не искусным владением оружием, а телесной силой, зачастую трусливы и уклоняются от прямого сражения, надеясь на хитрость, коварство и всевозможные уловки.

Этот образ варварского воина и варварского военного дела был унаследован средневековыми европейцами и стал своего рода литературным штампом, «матрицей», посредством которой конструировался образ «Другого». В этом плане весьма примечателен анализ образа сарацинского воина и характерных черт тактики мусульман, какими их представляли себе западноевропейские хронисты эпохи Крестовых походов, предпринятый С. И. Лучицкой [1, с. 201–218]. «Два военных лагеря противостоят друг другу: у мусульман главная тактика состоит в ведении боя при помощи метательных орудий, – писала историк, – для христиан характерна техника ведения боя мечами. *Реальные черты символизируются хронистами, и различие между сарацинами и франками приобретает знаковый характер...* (курсив наш. – П. В.)» [1, с. 206]. Это замечание представляется чрезвычайно важным, поскольку все свойственные «другим» приемы и способы ведения войны изображались хронистами по принципу инверсии. Сарацины не только вооружены иначе, чем европейские воины, но они не умеют сражаться в определенном порядке, их атаки сопровождаются невероятным шумом, криком и гамом. «Другие» не желают биться лицом к лицу («...они сражаются, не сражаясь – такая манера вести бой, вообще говоря, характерна для дикарей...»), – подытоживала свои наблюдения за свойственными хронистам оборотами в отношении мусульманских воинов С. И. Лучицкая), подлы и вероломны [1, с. 208–210, 216].

Примечательно, что схожим образом описывают вооружение и тактику монголов европейские очевидцы XIII в. Примером тому может служить классическое описание тактики монголов, сделанное Плано Карпини: «Надо знать, что всякий раз как они (монголы. – П. В.) завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест; где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю» [2, с. 52]. При этом автор под-

черкивал стремление монголов уклониться от схватки и их ставку на маневр и хитрость, противника, посредством которых они стремятся одерживать верх в войне [2, с. 52–53, 63].

Итак, к моменту «открытия» России Западной Европой там уже сформировалось достаточно живое представление о войне-«Другом», войне «на Востоке», войне восточном. Как справедливо отметил С. И. Лучицкая, в нем причудливо переплелись реальность и литературный вымысел, реальный штамп-«матрица», и для того чтобы создать у западных читателей образ воина-инверса, «хронисту было важно точно упомянуть о луке и стрелах...» [1, с. 217].

Теперь обратимся к тем образам русского и западного войска и характерных для него приемов ведения войны, что формируются в западноевропейской «Росике» на протяжении XVI в. Отметим, что они создавались постепенно, трансформировались вместе с изменением отношения Европы к России. Касаясь последнего, необходимо отметить, что, по нашему мнению, характерный образ России как страны «азиатской», «Другой» по отношению к Европе сложился отнюдь не случайно. Не говоря о том, что корни «инаковости» Востока и Запада, необходимо искать еще в эпоху античности, помня при этом, что «открытие» Европы Россией совпало по времени и с началом эпохи Великих географических открытий, и с серьезными переменами внутри европейского общества и цивилизации. Впрочем, такое совпадение может считаться случайным. Переживая переломный и трагический момент своей истории, находясь на переходе от Средневековья к Новому времени, рождающееся новое европейское общество остро нуждалось в своеобразном «зеркале», обращаясь к которому рождающаяся в это время новая Европа, Европа раннего Нового времени могла снова ощутить себя как некую идентичную, отличную ото всех остальных, ее окружающих.

В этой связи представляется ценной мысль, высказанная В. М. Тюленевым, о необходимости «...преодолеть традиционный функциональный подход современных историков к произведениям исторической прозы, перестать видеть в них исключительно поставщиков информации и оценивать автора не как историка (в нашем смысле слова) – писателя эпохи Ренессанса и раннего Нового времени. – П. В.) только по его «честности», «непристрастности», «аккуратности в отборе информации». Более важным, что *каждый писатель, претендовавший за перо историка, обладал некоторой суммой взглядов на прошлое и настоящее, функцией истории, исходя из которой, он и организовывал исторический материал...* (курсив наш. – П. В.) [с. 9–10]. И если принять во внимание этот тезис, то возникает вопрос – а какой «философией исто-

пользовались те иностранные наблюдатели, что писали о России конца XV–XVI вв.? И задавшись вопросом – что явилось той исходной «матрицей», на основе которой конструировался европейцами обобщенный образ загадочного восточного государства, «ментальная карта» Московии, приходишь к выводу, что конструирование «ментальной карты» Московии происходило под сильным влиянием античной традиции и свойственных ей антиномий «Европа – Азия» и «ллины/римляне – варвары». Европейский образованный мир эпохи Ренессанса с его уважением и почтением к этой традиции не мог не использовать ее в своих попытках позиционировать Европу в окружающем ее мире и, следовательно, найти в ней место и для России. И, наложившись на уже накопленный ранее опыт осмысления окружающей действительности, эта «возрожденная» античная традиция давала порой весьма и весьма неожиданные, хотя и с большой степенью предопределенности, результаты.

Не касаясь подробно причин позиционирования России как государства и общества «азиатского», неевропейского типа, отметим, что уже к середине XVI в. «азиатскость» России для западных наблюдателей стала практически аксиомой [4, с. 222–241]. В полной мере это относится и к тем, кто описывал русского воина того времени. Вне зависимости от того, чьему перу принадлежало это описание, общее впечатление – перед нами типичный нецивилизованный, «дикий», т.е. не «окультуренный», воин-варвар, воин-«Другой» со всеми присущими ему характерными чертами и свойствами. Снова, как и в случае с греческими «персами», римскими «варварами» или средневековыми «сарацинами» или «маврами», реальность и литературный штамп причудливо переплетаются.

Чтобы не быть голословными, обратимся к трем ставшим классическими описаниям Московии XVI в., в которых немало внимания было уделено как раз характеристике русского военного дела и облика русского воина. Своего рода классикой жанра, в некотором роде родоначальником западноевропейской *Rossica* стал вышедший в 1549 г. в Вене труд С. Герберштейна, имперского вельможи, дважды побывавшего в России во времена Василия III. И хотя он не первый, кто оставил воспоминания о далекой Московии, именно он задал тон множеству последующих публикаций, посвященных этой загадочной стране. Человек, безусловно, наблюдательный и обладавший острым умом, выпускник Венского университета, Герберштейн не избежал влияния гуманизма с его преклонением перед античной культурой и авторитетами [5, с. 28–29]. Нарисованный им образ русского воина и русского войска стал своего рода образцом, на который равнялись многие его преемники в деле описания варварской Московии [6, с. 247].

Сравним приводимое им описание внешнего вида и тактики русских с той западноевропейской литературной «матрицей», что была охарактеризована выше. Вот несколько наиболее примечательных цитат из его пространного описания Московии: «Готовясь вступить в сражение, они возлагают более надежды на численность, на то, сколь большим войском они нападут на врага [а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска]; они удачнее сражаются в дальнем бою, чем в ближнем, а потому стараются обойти врага и напасть на него с тыла...»; «...при первом столкновении они нападают на врага весьма храбро, но долго не выдерживают, как бы придерживаясь правила: “Бегите или победим мы”...»; «...в сражениях они никогда не употребляют пехоты и пушек, ибо все, что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его или бегут от него, они совершают внезапно и быстро...»; «...у них множество трубачей; если они по отеческому обычаю принимают все вместе дуть в свои трубы и загудят, то звучит это несколько странно и непривычно (для нас)...»; «седла приспособлены с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]... Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор и палка [наподобие (римского) цеста (*coestus*)], которая по-русски называется кистень (*kesteni*), а по-польски – бассалык (*bassalick*)...»; «...множеством разнообразного оружия московиты, скорее, обременяют себя, чем вооружаются, иноземцы же вступают в бой, полагаясь более на ловкость, чем на оружие. Они прежде всего остерегаются вступать в рукопашный бой, зная, что московиты очень сильны руками и (вообще) телесно, и обычно побеждают их, утомив под конец, только своим искусством и ловкостью...» [5, с. 114–118, 121].

Нетрудно заметить, что в картине, представленной Герберштейном на суд читателей, причудливо переплетаются как реальность, так и литературные штампы. В сумме же она представляет нам хорошо известный из произведений античных авторов и средневековых хронистов образ примитивного, варварского войска, отличного от западноевропейского, не знакомого с подлинным военным искусством и делающего ставку не на науку, а на природу. Безусловно, это войско уступает любому европейскому в умении воевать, особенно с использованием последних достижений военных технологий того времени, – достаточно просмотреть те места записок Герберштейна, где он пренебрежительно пишет о неумении московитов пользоваться артиллерией [5, с. 117, 174–176].

Чтобы убедиться в том, что картина, нарисованная Герберштейном, стала своего рода стандартом,

обратимся к запискам англичанина Р. Ченслера, вышедшим в свет немногим позже, но отражающим его впечатления от пребывания в России в первой половине 50-х гг. XVI в. Сразу отметим, что Р. Ченслер, весьма благожелательно принятый Иваном Грозным, не участвовал ни в одной реальной кампании, которые тогда вели русские войска против татар, поэтому его описание никак не могло быть результатом личных впечатлений. Кроме того, несомненно, Ченслер был знаком с записками Герберштейна – влияние записок имперского посла на «мемуар» хорошо просматривается.

Итак, в описании Ченслера «классическое» варварство русского войска просматривается еще более наглядно, чем у Герберштейна. Так, Ченслер писал, что «...на поле боя они (т.е. русские. – П.В.) действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой (курсив наш. – П.В.)...» [7, с. 447]. Но и это не все. К отмеченным Герберштейном чертам русского воина Ченслер добавляет еще одну черту, присущую со времен Геродота типичным варварам. Речь идет о «тьмочисленности» русского войска. Англичанин сообщал свои читателям, что русский государь «...в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границе Литвы – 60 тысяч, а против ногайских татар – также 60 тысяч...» [7, с. 445–446].

В связи с этим отметим, что традиция исчисления русского войска даже не десятками, а сотнями тысяч четко обозначилась еще в первой четверти XVI в., если не ранее. Так, еще в 1486 г. московский посол Георг Перкамота в разговоре с миланским герцогом Галеаццо Сфорца заявил, что когда его государь «...хочет выступить с конницей в какой-нибудь поход, через 15 дней в его распоряжение предоставляются в каждом городе и деревне намеченные и выделенные для него люди, по каждой провинции, так что всего вместе собираются двести и триста тысяч коней и что оплачиваются они общинами, городами и деревнями в течение всего времени, на которое названный их господин хочет их занять, и что в отдельных случаях может быть выставлено еще большее количество пеших, которых употребляет для защиты и охраны городов и важных мест и проходов, где должны проходить пехота и конница его, и для сопровождения обозов с продовольствием».

Спустя сорок лет другой московский дипломат – Д. Герасимов заявил в Риме, что его государь способен выставить армию в 150 тыс. всадников. И эти цифры, названные, вне всякого сомнения, с вполне определенными пропагандистскими целями, стали

той отправной точкой, от которой в дальнейшем отталкивались многие иностранные наблюдатели, в особенности те, кто не был в России. Так, Иоганн Фабри в 1526 г. доносил Карлу V, что «за короткое время [великий князь] может собрать двести или триста тысяч или иное огромное число [ратных людей], когда он намеревается вести войско против своих врагов». Более чем в 300 тыс. пеших и конных воинов исчислял московское войско в своем послании римскому папе Клименту VII итальянец Альберто Кампензе. О двухсоттысячном конном войске, не считая пеших, сообщали венецианцы М. Фоскарини и Ф. Тьеполо [8, с. 656; 9, с. 288; 10, с. 19; 11, с. 24–27; 12, с. 56, 62]. Стоит ли еще раз (тем более, что это уже неоднократно было сделано современными отечественными историками) подчеркивать, что эти «тьмочисленные» московитские рати существовали лишь в воображении иностранных наблюдателей, но никак не в реальности [о проблеме определения численности русского войска в XVI в. см., например: 13, с. 45–150; 14, с. 28–36, 84–85; 15, с. 3–13]. Зато описания этих бесчисленных, «аки пружи», полчищ, прекрасно укладываются в ту самую «философию истории», которой руководствовались западноевропейские книжники, стремясь сделать понятными и доступными для своих читателей диковинные и непривычные повадки московитов на поле боя, отсылая их к античным параллелям.

Возвращаясь снова к запискам Ченслера, отметим, что англичанин, чтобы еще больше подчеркнуть отличие русских от европейцев, также сообщает, что все воины русских – конные лучники, вооруженные по образцу турок (последние же в то время являлись в европейском мировоззрении варварами, так сказать, *par excellence*) [7, с. 446]. Подчеркнув неприспособленность и выносливость русских воинов, Ченслер с нескрываемым опасением восклицает: «Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были бы обучены *строю и искусству цивилизованных войн?* (курсив наш. – П.В.)» [7, с. 447]. Любопытно, что спустя почти двадцать лет после Ченслера английский купец и дипломатический агент Дж. Горсей всерьез полагал, что 12 сотен «цивилизованных» европейских всадников-рейтар могут сражаться с татарами успешнее, нежели 12 тысяч русских конных лучников-«варваров» [16, с. 70].

И еще один интересный мотив, содержащийся в сочинении английского путешественника: «Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них. Но я думаю, что не такова божья воля: я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу...» [7, с. 449]. С. И. Лучицкая, в частности,

указывала: «...В эпоху Просвещения цивилизованный европеец противопоставлялся Другому – невежественному, суеверному или примитивному. Такой взгляд на иное приводил к тому, что другим народам и эпохам приписывались отсталость, предрассудки, невежество, бескультурье, суеверие и пр... «Другой» стал воплощением невежества, тем, кого следует просвещать... (курсив наш. – П.В.)» [1, с. 10; см. также: 17, с. 108–109].

Таким образом, описание Ченслером внешнего облика и характерной тактики русских воинов и русского войска середины XVI в. однозначно убеждает читателя его записок – русские типичные варвары, и их воинские обычаи и приемы, не говоря уже о внешнем облике, только подтверждают это, особенно если сравнить их с внешним обликом и тактикой европейских армий того времени. Отметим, что как раз XVI в. в истории западноевропейского военного дела – время больших перемен, которые ряд историков предлагают именовать «военной революцией», вызванной широким внедрением в повседневную военную практику пороха и огнестрельного оружия [о военной революции см.: 18, р. 195–214; 19, р. 195–225; см. также классическую работу на эту тему: 20; историографический очерк проблемы см., например: 21, с. 67–73]. В это столетие западноевропейское военное дело постепенно приобретает характерные, хорошо известные (и вместе с тем резко отличающиеся от тех, что были привычны для русского военного дела того времени) нам черты. Сравнивая описания того же Герберштейна или Ченслера с реалиями своего времени, западноевропейский читатель их сочинений волей-неволей приходил к заключению – да, эти московиты «другие», они не европейцы. И с этим, уже заложенным в сознание образом, просвещенный европеец ехал в Москву, готовый увидеть то, о чем писали до него авторитетные предшественники.

В том, что это так, убеждает, к примеру, анализ сочинения другого английского дипломата и мемуариста Дж. Флетчера, побывавшего в Москве в конце 80-х гг. XVI в., спустя тридцать с лишним лет после Ченслера. Флетчер в еще большей степени, чем Герберштейн или Ченслер, демонстрирует свою зависимость от сложившегося к тому времени литературного штампа. «Русский царь надеется более на число, – писал он, – нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил (курсив наш. – П.В.)...». И, продолжая создавать образ варварского, нецивилизованного войска, не знакомого с истинным искусством войны, дипломат отмечал, что «... войско (русское. – П.В.) идет, или ведут его, без всякого порядка...», а «... когда они (русские. – П.В.) начинают дело или наступают на неприятеля, то (sic – !) вскрикивают при этом все сразу так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов произ-

водит дикий страшный шум (курсив наш. – П.В.)...». И снова русские всадники сравниваются Флетчером с турками и татарами по вооружению и амуниции [22, с. 82], и, вслед за Ченслером и отчасти за Герберштейном, он подчеркивает, что «... если бы русский солдат с такой же твердостью духа исполнял те или другие предприятия, с какой он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен к войне и умел, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко бы превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им и в храбрости, и в самом исполнении военных обязанностей...». Связывал же этот недостаток Флетчер прежде всего с тем рабским состоянием, в котором пребывают русские [22, с. 83].

Кстати, сравнивая описание Флетчером военных обычаев русских с подобными же местами у Герберштейна, нетрудно заметить, что английский дипломат не просто хорошо знаком со ставшим классикой сочинением имперского посланца, но чуть ли не дословно цитирует его. Достаточно сравнить пассаж из сочинения англичанина о характерах русского, татарского и турецкого воинов с аналогичным описанием у Герберштейна [5, с. 116; 22, с. 92]. Интересно сравнить все эти пассажи с рассказами Геродота о различиях воинской доблести и искусства персов и эллинов (Hdt. VII. 103–104, 209, 211, 223).

Таким образом, анализ текстов трех авторов, сохранивших свои записки о пребывании в России в разное время, показывает, что уже в начале XVI в. в западноевропейском общественном сознании начал складываться образ далекой варварской страны, «нецивилизованность», «некультурность» как «инаковость» которой, при сравнении с Западной Европой, просматривалась практически везде и во всем, в том числе и в военном деле. И, следуя сложившейся еще во времена античности и продолженной средневековыми хронистами традиции, западноевропейские наблюдатели неизменно выделяли наиболее характерные, с их точки зрения, черты, присущие «варварскому», «нецивилизованному» русскому воину в отдельности и военному делу московитов в целом. «Тьмочисленное» конное (или преимущественно конное) войско, состоящее из лучников, не знающих дисциплины, порядка, воинского строя, уклоняющееся от прямой схватки с неприятелем и полагающееся в большей степени на свою многочисленность, хитрость, коварство и телесную силу, одним словом – на природу, а не на искусство и разум. Таким предстает перед нами московское войско и русский воин XVI в. из сочинений западноевропейских наблюдателей. Нужно ли оговаривать, насколько тесно переплетаются в этом образе реальность и стремление подогнуть увиденное или услышанное под традиционный, известный еще из античной и средневековой литературных традиций, образ восточного «варвара».

Примечательно, что этот сугубо книжный образ, созданный по преимуществу не военными, а «книжными» людьми, не имевшими представления относительно особенностей ведения войны в Восточной Европе, оказывал воздействие даже на тех мемуаристов, которые должны были быть знакомы с военным делом в этом регионе не понаслышке. Примером тому может служить весьма интересный эпизод (вероятно, относящийся к событиям 1591 г.), приведенный мемуаристом Ст. Немоевским, о судьбе польских и литовских наемников на русской службе. Последние, получив приказ атаковать татар, «по своему обычаю, давши волю коням, ударили на татар (не «танцем» – приемом москвитян и татар. – П.В.), которых было 80000, и скрылись между них; москвитяне, которые имели их поддержать, видя это и предполагая, что Литва изменила, начали отступать назад. Однако татары не посмели за ними, опасаясь наткнуться на орудия или какой иной хитрости, и занялись нашими. Из тех наших, осужденных на смерть, погибло 700 человек, но 1000 все же с оружием в руках ушли назад к москвитянам. Когда же они стали укорять тех в выдаче головой и неподдержке, те еще выговаривали им, указывая на глупость-де наших: "А кто же это видел такую бессмыслицу – бежать к неприятелю, как будто у вас глаза повынимали, как это вы сделали"...» [23, с. 191–192].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучицкая С. И. Образ Другого : мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб., 2001.
2. ПIANO Карпини Дж. дель. История монголов / Дж. дель ПIANO Карпини. – М., 1957.
3. Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии / В. М. Тюленев. – СПб., 2005.
4. Филлюшкин А. И. Василий III / А. И. Филлюшкин. – М., 2010.
5. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Сигизмунд Герберштейн. – М., 1988.
6. Турбервилль Джордж. Стихотворные послания-памфлеты из России / Джордж Турбервилль // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. – М., 1990. – С. 245–275.
7. Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и товарах его страны, записанная Ричардом Ченслером / Р. Ченслер // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003. – С. 431–455.

8. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленингр. отд-ния ин-та истории АН СССР). – М., 1963. – № 5. – С. 648–655.

9. Йовий Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII / Павел Йовий // Библиотека иностранных писателей о России. – Т 1. – СПб., 1836. – IV : Павел Йовий. – С. 11–55.

10. Кудрявцев А. Н. Трактат Иоганна Фабри «Религия москвитов» / А. Н. Кудрявцев // Россия и Германия. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 15–34.

11. Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к его святишеству папе Клименту VII о делах Московии / А. Кампензе // Библиотека иностранных писателей о России. – Т 1. – СПб., 1836. – III : Альберт Кампензе. – С. 6–55.

12. Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. – М., 1991.

13. «...И бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.? Материалы дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2009. – № 1/2 (5/6). – С. 45–150.

14. Лобин А. Н. Битва под Оршей / А. Н. Лобин. – СПб., 2011.

15. Пенской В. В. Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI вв. : количественное измерение / В. В. Пенской // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 3–13.

16. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Дж. Горсей. – М., 1990.

17. Нойманн И. Использование «Другого» / И. Нойманн. – М., 2004.

18. Parker G. The «Military Revolution», 1560–1660 – a Myth? / G. Parker // *The Journal of Modern History*. – Vol. 48, № 2 (June 1976). – P. 195–214.

19. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 / M. Roberts // Roberts M. *Essays in Swedish History*. – London, 1967. – P. 195–225.

20. Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800 / G. Parker. – Cambridge, 1988.

21. Пенской В. В. Военная революция XVI – XVII вв. и ее изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI в. / В. В. Пенской // Научные ведомости БелГУ. Серия : История. Политология. Экономика. – 2008. – № 5(45), вып. 7. – С. 67–73.

22. Флетчер Дж. О государстве Русском / Дж. Флетчер // Проезжая по Московии (Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991. – С. 25–138.

23. Записки Станислава Немоевского / С. Немоевский // Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. – Рязань, 2006. – С. 39–329.

Белгородский государственный университет

Пенской В. В., доктор исторических наук, профессор кафедры теологии

E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Тел.: 8(4722) 54-11-20

Belgorod State University

Penskoy V. V., Doctor of the Historical Science, Professor of the Theology Department

E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tel.: 8(4722) 54-11-20